

Соб. черк. - 1989 - 3-9 обр (ч 31) - С. 15.

## К 90-ЛЕТИЮ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

ТРЕТИЙ  
ПЛАТОНОВ

**Л**итературоведы знают все. Должны, во всяком случае. И потому, думаю, им давным-давно была известна вся огромная страна, созданная Андреем Платоновым, где были не только Ямская слобода и город Градов, но и Чевенгур, и котлован, и ювенильное море... Мир, однако, в большей степени все-таки состоит из читателей, чем из литературоведов, и потому для нас существовало три разных Платонова, каждый из которых как бы вырастал из предыдущего.

Сначала, примерно до начала 60-х годов, был некий писатель Платонов, автор скучноватых повестей и рассказов (говорю, естественно, о впечатлениях собственных и какого-то круга знакомых), в которых кое-что нравилось, но по большому счету не волновало. Потом, после активного переиздания Платонова, появления книг и статей о нем, писатель стал восприниматься как острый социальный сатирик, в чем-то родственник Пантелеймону Романову (впрочем, о Романове в те годы мы и слыхом не слыхивали), а в чем-то — Зоценко. И все же это был еще не совсем полный, не «окончательный» Платонов. Только в последние два-три года, когда журналы, а затем и отдельные издания подарили нам, читателям, «Ювенильное море», «Котлован» и «Чевенгур», мы ощутили всю огромность человека, еще в 20-е годы увидевшего те изломы и провалы в нашей жизни, о которых до недавних времен страшно было даже подумать, не то что сказать вслух.

Но давайте поразмыслим: ведь это для нас существуют три Платонова, это время распорядилось так, что наши взаимоотношения с писателем распались на три этапа. А Платонов-то был один, и свою знаменитую триаду он создавал именно в то время, когда наши деды и отцы радостно приветствовали уничтожение кулачества как класса (а то и — не приведи Бог! — участвовали в этом), когда даже умника Бухарин «купился» на дьявольские замыслы Отца Народов и помог ему расправиться с Троцким, Каменевым и Зиновьевым, чтобы потом оказаться низвергнутым самому. А рядом со всей этой фантазмагорией молодой журналист, недавно приехавший в столицу из Воронежа, писал поразительные слова, от которых мы вздрагиваем и сей-час. Вот один из героев «Котлована» встречает на городской улице «строй детей-пионеров с уставшей музыкой впереди... Любая из этих пионерок родилась в то время, когда в полях лежали мертвые лошади социальной войны, и не все пионеры имели кожу в час своего происхождения, потому что их матери питались лишь запасами собственного тела; поэтому на лице каждой пионерки осталась трудность немощи ранней жизни, скудость тела и красоты выражения». Вот другой герой, гоня от себя мысли о нелепости, безнадежности строительства, судорожно работает лопатой до одури, до изнеможения, «пока не услышал, как трескаются кости в его трудящемся туловище. Тогда он остановился и глянул кругом. Колхоз шел вслед за ним и не переставая рыл землю; все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована». Вот Шумилин из «Чевенгура», глядя на умирающую от тифа жену, шепчет: «Надо поскорее начинать социализм, а то она умрет». А другой чевенгурец делает для умершего сына прочный, удобный гроб, потому что «через каждые десять лет Захар Павлович собирался откапывать сына из могилы, чтобы видеть его и чувствовать себя вместе с ним».

Поразительно: подавляющая часть населения, как бы коллективно ослепнув и оглохнув, не желала замечать «временных трудностей», а в крохотных, малюсеньких успехах видела триумфальное шествие. Если же и микроуспехов не было, то их объявляли явочным порядком — провал называли триумфом, вроде того как чевенгурский уполномоченный Мошонков объявил себя Федором Достоевским «с начала новых суток и навсегда». А Платонов, сын самого что ни на есть простого слесаря железнодорожных мастерских, своим незамутненным взором не только видел нелепость, абсурдность творящегося вокруг, но и, проникая в самую глубину нелепицы, предупреждал, что ничего хорошего из нее не выйдет. Человек не может, не должен питаться химерами, нельзя во имя их гробить собственную и чужие жизни. В начале повести «Город Градов» Платонов писал: «Город орошала речка Жмаевка — так учили детей в школе первой ступени. Но летом на улицах было сухо, и дети не видели, что Жмаевка орошает Градов, и не понимали урока». Взрослые современники Платонова оказались куда глупее градовских детей: они верили бессмыслице, верили в то, чего нельзя ни увидеть, ни потрогать руками.

Может быть, мозги у меня устроены как-то неправильно, но мне всегда казалось, что в нашей великой, грандиозной литературе прошлого и начала нынешнего веков зияет столь же грандиозный социальный провал — неумение разглядеть, предвидеть (а разве предвидение не долг, не задача истинной литературы?) надвигающийся на наше Отечество из темных его глубин кошмар. Только Достоев-

ский в гениальных «Бесах» (да еще, правда, в меньшей степени, Лесков и Салтыков-Щедрин) устранился призрака скотов и палачей, возмнивших себя спасителями человечества. Я очень люблю Чехова, но как же мелки, как ничтожны чувства его героев, прекраснородных недоумков, вроде кретина, блестяще сыгранного Юрием Богатыревым в «Механическом пианино». Он, как вы помните, собирался подарить мужикам свою поношенную одежду, но не подумал, где они смогут ее носить, не на покосе же, действительно! Все эти завывания о «небе в алмазах», о том, что мы, мол, отдохнем (от чего? от работы?) были настолько далеки от проблем, уже поставленных реальной жизнью, что в наивных этих мечтаниях не грех бы поискать хотя бы некоторые из причин грядущих ужасов. Впрочем, и у Чехова порой возникает тема непреодолимой пропасти между основным кругом его персонажей и теми, кого принято называть народом. Особенно отчетливо эта пропасть видна в рассказе «Новая дача», который нет смысла пересказывать, ибо каждое его слово — своего рода пособие для понимания происходившего тогда. Так что искренне рекомендую всем, не читавшим «Новой дачи», немедленно ее прочесть.

И все же, все же, все же... Ни «Бесы», ни — тем более! — миниатюрная «Новая дача» не показали, да и не могли, разумеется, показать глубины, а главное — масштабов, уже случившегося в наши ворота «светлого будущего». Об этом прекрасно сказал Солженицын, и я приведу эти слова из «Архипелага ГУЛАГ», которые в восьмой книжке «Нового мира» будут напечатаны куда большим тиражом: «Если бы чеховским интеллигентам, все гадавшим, что будет через двадцать-тридцать-сорок лет, ответили бы, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие, будут сжимать череп железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами, голого и привязанного пытаться муравьями, клопами, загонять раскаленный на примусе шомпол в анальное отверстие («секретное тавро»), медленно раздавливать сапогом половые части, а в виде самого легкого — пытаться по неделе бессонницей, жаждой и избивать в кровавое мясо, — ни одна бы чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом».

Здесь самое время сказать несколько слов о биографии Платонова. Он, повторю, родился в семье слесаря железнодорожных мастерских, да еще в заштатном Воронеже — стало быть, в самую пору было ему ставить к стенке «буржуев», а потом отправлять на плоту в море-океан «кулаков», как в «Котловане», а еще потом шагать в угрюмой толпе и злобно орать: «Смерть шпионам!». «К стенке га-

дов!» Но произошло чудо: вступив в 1918 году в партию, а затем некоторое время повоевав в ЧОНе (частях особого назначения), правда, в качестве всего лишь помощника машиниста бронепоезда, Платонов вскоре стал работать в воронежской газете, где наряду с очерками, заметками и фельетонами писал и рассказы. Конечно, писать можно поразному, в те дни воспеватели «сплошной лихорадки буден» возникали целыми стадами, как грибы после дождя. Но Платонов почему-то не захотел присоединяться к воспевателям. Уже в самом начале 20-х годов, вступив в переписку с Краснодарским книжным издательством, он пишет удивительные для юноши-провинциала слова: «Вы горите о великой целомудренной красоте и ее чистых сынах, которые знают, видят и возносят ее. Меня вы ставите в шайку хулителей и поносителей, людей недостойных и не могущих ее видеть... Ладно. Я двадцать лет проходил по земле и не встретил того, о чем вы говорите, — Красоты... Я уверен, что приход пролетарского искусства будет безобразен... Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас. Но не бойтесь, мы очистимся; мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастает душа мира». Я знаю, конечно, что во времена социальных катаклизмов люди взрослеют быстрее, да и Гайдар в четырнадцать лет уже чем-то, кажется, командовал... И все-таки поражаешься тому, что эти слова написаны двадцатилетним человеком. Здесь все же, наверное, дело не в ускоренном социальном взрослении, а в индивидуальности, исключительности именно этого человека — Андрея Климентова (псевдоним Платонов он взял себе примерно тогда же).

И эту индивидуальность довольно быстро заметили. Из приведенного выше отрывка ясно, что еще совсем молодого, чуть ли не подростка Платонова краснодарские издатели называли «хулителем и поносителем» красоты. Во второй половине 20-х годов, когда Платонов перебрался в Москву и стал довольно активно публиковаться в центральной печати, на него обрушился огонь столичных критиков. Обвинения были весьма опасными. Когда «Красная новь» стала печатать повесть «Впрок» с подзаголовком «Бедняцкая хроника» (эта повесть недавно была переиздана в сборнике прозы Платонова), А. Фадеев обозвал ее «кулацкой хроникой». Но каким-то образом Платонову удалось пережить на свободе не только годы «великого перелома», но затем и 1937—1938 годы, и пору послевоенных арестов. Впрочем, всю страну в ГУЛАГ отправил было трудно, кто-то оставался и на свободе. А вот жилось Платонову трудно: временами огонь критики становился настолько мощным (особенно после войны, когда в «канонаду» включился печально знаменитый В. Ермилов), что редакции и издательства «на всякий случай» приостанавливали отношения с Платоновым. Говорят, что ему приходилось одно время даже работать дворником при Литературном институте, правда, одни из мемуаристов называют предвоенные годы, другие — послевоенные, а третьи и вовсе отрицают такой эпизод. После смерти писателя (он умер 5 января 1951 года) было сделано все для того, чтобы предать его имя забвению. В какой-то мере это получилось, но, к счастью, ненадолго: уже на грани 50—60-х годов начинают переиздаваться его работы, вскоре появляется и своего рода «платоноведение».

Сейчас, перечитывая вместе с «новыми» платоновскими произведениями то, что публиковалось раньше, я все отчетливее понимаю, что «Третий Платонов» — это и есть весь он, все его творчество. Удивителен «Город Градов», который «героев не имел, безропотно и единогласно принимая резолюции по мировым вопросам». Это героя «Градова», классического бюрократа Шмакова, спрашивают в поезде: «А вы вот что нам скажите, гражданин коммунист, правда, что Днепр перегорит и Польшу затопит?» Ну, затопить не затопит, но ведь с Польшей-то и вправду расправился Сталин с Гитлером спустя 13 лет («Градов» был написан в 1926 году). И как не вспомнить таких слов из письма английского инженера Вильяма Перри (повесть «Епифанские шлюзы»), занесенного превратностями судьбы в петровскую Россию, своему брату: «Россы мягки нравом, послушны и терпеливы в долгих и тяжелых трудах, но дики и мрачны в невежестве своем?»

Кажется, время мрака и невежества понемногу проходит. Не забудем, что среди тех немногих, кто всеми силами пытался открыть нам истину, был Андрей Платонов. Он умер в трудное время и, наверное, не предполагал, что имеет полное право повторить вслед за своим великим собратом: «Нет, весь я не умру».

И не умер.

СЕРГЕЙ БУРИН.

